

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 4 (85). С. 121–129.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2024; 4 (85):121–129.

Научная статья

УДК 82:1

DOI 10.37724/RSU.2024.85.4.014

Параметры формирования лингвокогнитивной категории агрессии

Мария Анатольевна Фирсова

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия
firsovamariaa@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи состоит в определении и описании параметров формирования лингвокогнитивной категории агрессии в русском языке. Разнообразие форм проявления вербальной агрессии, ее большой воздействующий потенциал диктуют необходимость описания лингвокогнитивных параметров, лежащих в ее основе. В статье формулируется тезис о том, что агрессия представляет собой лингвокогнитивную категорию, включающую пять параметров: целенаправленность, аффективность, персуазивность, антиаксиологичность и национально-культурную обусловленность. Совокупность данных параметров объединяется в сознании человека в такой «лингвокогнитивной ячейке», как агрессия, которая выражается с помощью разнообразных языковых средств. Обосновано, что целенаправленность как лингвокогнитивный параметр агрессии заключается в нанесении вреда объекту (конкретному лицу, массовому адресату, самому адресанту); аффективность — в негативном эмоциональном состоянии субъекта при выражении агрессии; персуазивность — в прямом негативном воздействии на адресата, манипуляции его когнитивными установками; национально-культурная обусловленность отражает особенности русского языкового менталитета при экспликации агрессии; антиаксиологичность искажает ценности адресата или негативно влияет на них за счет средств вербальной агрессии. В ходе исследования использовался общенаучный индуктивно-дедуктивный метод, метод компонентного анализа. Практическая значимость определяется возможностью применения результатов исследования в образовательном процессе высшей школы.

Ключевые слова: адресат, вербальная агрессия, категоризация, когнитивная лингвистика, нанесение вреда, языковые средства.

Для цитирования: Фирсова М. А. Параметры формирования лингвокогнитивной категории агрессии // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 4 (85). С. 121–129. DOI: 10.37724/RSU.2024.85.4.014.

Original article

Parameters of formation of the linguocognitive category of aggression

Maria A. Firsova

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia
firsovamariaa@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to define and describe the parameters of formation of the linguocognitive category of aggression in the Russian language. The variety of forms of manifestation of verbal aggression, its great influencing potential dictate the need to describe the linguo-cognitive parameters that underlie it. The article formulates the thesis that aggression is a linguo-cognitive category that includes five parameters: purposefulness, affectivity, persuasiveness, anti-axiologiness and national-cultural interaction. The set of these parameters is united in the human consciousness in the “linguo-cognitive unit” of aggression, expressed by various linguistic means. It is substantiated that purposefulness as a linguo-cognitive parameter of

aggression consists in causing harm to an object (a specific person, a mass addressee, the addresser himself). Affectivity reflects a negative emotional state of the subject expressing aggression, Persuasiveness results in direct negative impact on the addressee, manipulation of his cognitive attitudes. The national-cultural interaction reflects the peculiarities of the Russian linguistic mentality in the expression of aggression; anti-axiology distorts the values of the addressee or negatively affects them through verbal aggression. The present study employed the general scientific inductive-deductive method and the method of component analysis. The practical significance of this research is determined by the possibility of applying the results in the educational process in tertiary school.

Keywords: addressee, verbal aggression, categorization, cognitive linguistics, causing harm, linguistic means.

For citation: Firsova M. A. Parameters of formation of the linguocognitive category of aggression. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2024; 4 (85):121–129. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2024.85.4.014.

Введение

Вербальная агрессия является предметом изучения различных направлений лингвистики: медиалингвистики (см.: [Сковородников, 1997 ; Петрова, 2011] и др.), юрислингвистики (см.: [Ша-рафуллин, 2004 ; Хроменков, 2016] и др.), социалингвистики (см.: [Купина, 2001 ; Шаронов, 2004] и др.), коммуникативной лингвистики (см.: [Воронцова, 2006 ; Закоян, 2010 ; Комалова, 2022] и др.).

Исследования на стыке коммуникативного и когнитивного подходов предлагают рассматривать вербальную агрессию с привлечением синтеза междисциплинарных знаний. Например, Л. Р. Комаловой в рамках коммуникативно-когнитивного подхода разработана типология агрессии — «комплексного феномена, который эксплицирует в языке и речи эмоционально-модальные состояния агрессивного типа» [Комалова, 2022, с. 7]. Автор предлагает трактовать вербальную агрессию «как комплекс реализуемых и воспринимаемых деструктивных эмоциональных и эмоционально-модальных состояний, манифестируемых в наборах коммуникативных действий; как индивидуально-личностную особенность при выборе речевых тактик и стратегий; как определенный способ восприятия мира; как комплекс социально-обусловленных моделей коммуникативного поведения» [Там же]. Т. А. Воронцова, придерживаясь коммуникативно-дискурсивного направления, отмечает, что данный подход позволяет выявить общие принципы и установки говорящего при вербализации агрессии, а также определить, как агрессия влияет на собственно коммуникативные, аксиологические и когнитивные аспекты коммуникации (см.: [Воронцова, 2009, с. 13]).

В когнитивной лингвистике попытки выявить параметры, формирующие категорию вербальной агрессии, не предпринимались. В связи с этим новизна исследования заключается в выделении и описании лингвокогнитивных параметров, являющихся аналитическим механизмом категоризации феномена вербальной агрессии.

Языковая категоризация становилась предметом изучения в работах Дж. Лакоффа (см.: [Лакофф, 2004]), А. Вежбицкой (см.: [Вежбицкая, 1996]), О. О. Борискиной и А. А. Кретьева (см.: [Борискин, Кретьева, 2003]), Е. С. Кубряковой (см.: [Кубрякова, 2004]), Т. Г. Скребцовой (см.: [Скребцова, 2018]), Н. Н. Болдырева (см.: [Болдырев, 2002]), Е. В. Дзюбы, Л. Чжао (см.: [Дзюба, Чжао, 2015]) и др. Под языковой категоризацией, вслед за Е. В. Дзюбой, нами понимается «членение онтологического пространства на классификационные рубрики (категории), нередко осуществляемое под влиянием языка, носителем которого является субъект познания» [Дзюба, 2016, с. 63]. К неисследованным относятся вопросы о «структуре категорий и их составляющих, о взаимоотношениях единиц категорий, о возможности конечного описания существенных признаков категорий, о значении достижений теории категорий для лексикографической практики и т. п.» [Там же].

В отечественной лингвистике теоретически описаны такие лингвокогнитивные категории, как: молчание (см.: [Копылова, 2022]), истинность и достоверность (см.: [Панченко, 2009]), идеология (см.: [Лыкина, 2014]), оценочная категория (см.: [Болдырев, 2002]), цвет (см.: [Алымова, 2007]), ценность (см.: [Аракелова, 2016]), пространство (см.: [Щукина, 2004]). Когнитивные категории в медиадискурсе определены М. В. Коноваловой (см.: [Коновалова, 2019]), процессы категоризации и организации когнитивных категорий описаны С. А. Песиной и М. А. Величко (см.: [Песина, Величко, 2014]).

Под лингвокогнитивной категорией понимается лингвоментальный феномен «человеческого сознания, который представляет собой лингвокогнитивную ячейку в системе знаний и представлений человека о мире и о себе самом, изоморфно отображающую фрагмент реальной и/или воображаемой действительности в человеческом сознании» (цит. по: [Дзюба, 2018, с. 187]).

Цель данной статьи — определить и описать параметры формирования лингвокогнитивной категории агрессии в русском языке. Задачи:

- обобщение результатов современных лингвокогнитивных исследований вербальной агрессии;
- обоснование выделения параметров, формирующих лингвокогнитивную категорию агрессии;
- выявление вербальных средств, репрезентирующих каждый параметр лингвокогнитивной категории агрессии.

В ходе исследования нашли применение следующие методы: общенаучный индуктивно-дедуктивный метод, позволивший сформулировать гипотезу о параметрах, формирующих лингвокогнитивную категорию агрессии; метод компонентного анализа, использованный для описания содержательной стороны языковых единиц, репрезентирующих параметры лингвокогнитивной категории агрессии; методы когнитивно-дискурсивного, семантико-синтаксического и лексико-семантического анализа, нашедшие применение в объяснении способов и условий вербализации агрессии.

Основная часть

К параметрам, формирующим лингвокогнитивную категорию агрессии, относятся следующие.

1. Целенаправленность

Отталкиваясь от определения вербальной агрессии — формы речевого поведения, направленного на нанесение вреда объекту воздействия средствами речи, подчеркнем, что цель вербальной агрессии является констатирующим и мотивирующим фактором для ее реализации. Разработанная психологом А. Бассом типология вербальной агрессии (активная прямая агрессия, активная непрямая агрессия, пассивная прямая агрессия, пассивная непрямая агрессия) включает в каждый ее тип мотив — причинение вреда (см.: [Buss, 1961, p. 11]). Следовательно, вербальная агрессия даже в ее имплицитной форме (например, распространение сплетен) призвана негативно воздействовать на адресата с целью нанесения ему этического, морального и прочего ущерба.

Целенаправленность как один из параметров формирования лингвокогнитивной категории агрессии предопределяет наличие объекта нанесения вреда: конкретное лицо, массовый адресат, сам субъект в случае аутоагрессии (например, самообвинение). Нанесение вреда, то есть прямое или скрытое негативное воздействие на объект, объясняет саму природу агрессии, заключающуюся также в установлении оппозиции «свой — чужой».

Обратимся к примерам вербализации агрессии, где грубо-просторечные и бранные лексемы являются выразителями негативного в номинациях человека и имеют цель нанесения вреда, то есть оскорбления.

1) «“Что ж ты, *зараза* такая, делаешь?!” обвиняет его же в неоднократных кражах ее виршей и вдобавок рекомендует взять псевдоним, чтобы их не путали» [НКРЯ]. В «Словаре русского языка» слово *зараза* имеет помету ‘груб. прост.’ и толкуется «как бранное слово» [СРЯ, 1985, с. 564]. Так, лексема *зараза* в представленном контексте номинирует конкретное лицо, однако вербальная агрессия может быть направлена и на массового адресата, то есть иметь цель нанесения вреда широкому кругу лиц, как в следующем случае:

2) «Выходить тут не за кого, понимаешь? И родить не от кого. Одни *идиоты* кругом» [НКРЯ]. Говорящая номинирует *идиотами* («прост. бран. Дурак, болван, тупица» [СРЯ, 1985, с. 631]) широкий круг лиц, в частности мужчин, которые, по ее мнению, не могут являться партнерами для отношений.

Следующий пример демонстрирует употребление бранной лексики *идиот* в случае вербальной аутоагрессии:

3) «По своей безграмотности считал, что курага способствует работе сердца, так как содержит много калия. Вот я *идиот*! Век живи — век учись!» [НКРЯ]. Говорящий использует в отношении себя бранную лексему *идиот*, ссылаясь на собственную безграмотность, и мишенью для нанесения вреда при вербализации агрессии становится сам адресант.

Следует заметить, что вербальная агрессия, зачастую сопровождаемая негативными чувствами адресанта (раздражение, гнев, разочарование, злость), может не иметь конкретной цели. Например, в процессе интеръективации лексема *зараза* утрачивает номинативную функцию, реализуя лишь эмоционально-оценочную. Сравним:

4) «Тебя нужно воспитывать и дрессировать. Где антистатик? *Вот, зараза*, прилипло... — Лежит под твоим халатом, — ответил я. — А что сначала? — Что? — не поняла она, вытаскивая баллончик с антистатином из-под брошенного на стул халата. — Ну... сначала — воспитывать, а потом — дрессировать, или наоборот?» [НКРЯ]. Как видно из примера, междометие *зараза* выражает раздражение говорящего в процессе поиска нужного предмета и является реакцией на отсутствие результата действия.

2. Аффективность

Цель нанесения вреда адресату вербальными средствами всегда связана с состоянием адресанта. Отмечается, что в «значительной части случаев агрессия возникает как реакция субъекта на фрустрацию и сопровождается эмоциональными состояниями гнева, враждебности, ненависти и пр. (экспрессивная агрессия, импульсивная агрессия, аффективная агрессия)» (цит. по: [Карпенко, 1990, с. 63]). Состояние гнева, в свою очередь, стимулируется аффектом (от лат. *affectus* ‘душевное волнение, страсть’) — «приступом сильного нервного возбуждения (ярости, ужаса, отчаяния)» (цит. по: [СРЯ, 1985, с. 52]). Кроме того, аффект адресанта может вызвать неспособность к конструктивному разрешению ситуации, потому что человек не всегда способен эффективно защищать свои позиции или атаковать позиции своих оппонентов, из-за чего прибегает к атаке на личность оппонента (см.: [Hultgren]).

Словесные атаки могут быть реализованы лексическими средствами, выходящими за пределы литературного языка, — вульгаризмами, табу, жаргонизмами, грубо-просторечными, просторечными лексемами и пр. Обращение к ним объясняется как неуважением к коммуникативному партнеру, так и низкой речевой культурой. Эти причины имеют единый «пусковой механизм» — отсутствие контроля собственных негативных состояний или его слабая развитость, что предопределяет аффективность при выражении вербальной агрессии.

На лексическом уровне аффективность может быть зафиксирована, например, в комментариях журналиста к репликам интервьюера. Так, в представленном ниже примере оценка акта говорения, констатирующая аффективное состояние адресанта, проявляется в лексеме *злобно*, а также в самом содержании фрагмента высказывания:

5) «— Привалило дуре денег! — *злобно* сказал с виду добрый дедушка и прямо на глазах осунулся, как Кощей. Этого и следовало ожидать. Кто же радуется чужому богатству, тем более если оно как с неба упало» [НКРЯ]. Оценка говорящего ситуации неожиданного получения денег заключена в разговорной лексеме *привалить* — «появиться (о чем-либо многочисленном и неожиданном)» [СРЯ, 1987, с. 393], и разговорной номинации субъекта их получения *дура* — «глупый, тупой человек» [Там же, 1985, с. 453]. Словосочетание сопровождается комментарием журналиста *злобно заявил*, что подтверждает аффективное состояние адресанта в момент речи.

В следующем примере корреспондентом отмечается, что на корректный вопрос был получен агрессивный ответ:

6) «Как передает корреспондент “УралПолит.RU”, на корректный вопрос о том, как сделать город чище, Чернецкий *агрессивно отвечает*: “Тебе лопату что ли дать?”» [НКРЯ]. Словесная реакция Чернецкого охарактеризована как агрессивная, что проявляется в резком переходе на «ты» и форме ответа — вопрос на вопрос, что противоречит нормам конструктивной коммуникации. Аффективность в данных примерах наблюдается и в прямой форме — словесной атаке говорящего (*привалило дуре; тебе лопату дать?*), и в зафиксированных журналистом эмоциональных состояниях (*злобно заявил; агрессивно отвечает*). Аффективность — особое эмоциональное состояние лица, демонстрирующего агрессивное поведение, выражающееся в словесном действии (словесная атака, угроза, оскорбление и пр.), направленном против другого человека.

3. Персуазивность

Репрезентация вербальной агрессии связана с воздействием на ментальную и эмоциональную сферы адресата с помощью прагматической установки — нанесение вреда. Речевое воздействие соотносится с персуазивностью, под которой нами понимается коммуникативное доминирование, заключающееся в возможности оказывать прямое негативное воздействие на

адресата с целью манипулирования его когнитивными и ценностными установками. «При осуществлении персуазивной коммуникации отправитель сознательно продуцирует высказывания, которые направлены на то, чтобы вызвать определенную реакцию у реципиента» (цит. по: [Чернявская, 2006, с. 67]). Например, стилистические пометы ‘пренебрежительное’, ‘презрительное’, ‘бранное’, ‘неодобрительное’ позволяют признать факт негативной/отрицательной коннотации в структуре лексического значения слова, а следовательно, говорить об их агрессивном воздействующем потенциале. Так, номинации человека, характеризующегося низкой социальной ответственностью: *потаскун*, *потаскунья*, *потаскуха*, *потаскушка* — «тот, кто ведет себя развратно, беспутно» [СРЯ, 1987, с. 329], при обращении к кому-либо могут вызвать негативную реакцию, проявляющуюся в различных состояниях или действиях. В частности, следующий фрагмент демонстрирует нанесение преднамеренного вреда, вербализованного номинацией *потаскуха*, и предопределяет негативизирующее воздействие на адресата, которое выражается в изменении его эмоционального состояния (*хлынули слезы*):

7) «Ее начала трясти крупная дрожь, и Иеронимус прикрикнул: — Успокойся, ты, *потаскуха*! Из ее глаз *хлынули слезы*» [НКРЯ].

Фиксируют негативное воздействие вербальной агрессии лексемы, обозначающие отрицательные изменения в эмоциональном состоянии адресата: *расплакаться*, *обидеться*, *разозлиться*, *оскорбиться* и пр.

8) «На подносе с нетронутыми булочками лежала записка: “Ты — мерзкая с.ка”. Зинка бросилась собирать карточки и впервые, наверное, в жизни *расплакалась навзрыд* — и не пьяными слезами, не показушными, не на публику, а до вытья от ужаса и тоски» [НКРЯ]. В данном фрагменте реакция на табуированную номинацию женщины описана фразой *расплакалась навзрыд*. Обида как естественная реакция на словесные атаки также является реакцией на негативизирующее воздействие агрессии, вербализованной в оскорбительных номинациях, например:

9) «Вы скотина! — искренне признал я. — Да ладно вам! — *обиделся он*. — Вас ведь честно предупреждали. Тоже мне, великий герой!» [НКРЯ].

Использование адресантом негативных номинаций, стилистически сниженной лексики и прочее может привести к возникновению презрения, озлобленности, ненависти и т. п., то есть отрицательных эмоциональных состояний с возможностью перехода в физическое состояние (плач, истерика). Таким образом, персуазивность, будучи одним из параметров лингвокогнитивной категории агрессии, обуславливает отрицательные изменения в эмоциональной и ментальной сферах адресата.

4. Национально-культурная обусловленность

На наш взгляд, агрессия всегда имеет национально-культурный характер. Проявление агрессивного в языке и речи продиктовано культурными традициями, мировосприятием и особенностями менталитета того или иного народа. Например, для русского языкового сознания актуальными в процессе вербализации агрессии являются зооморфизмы. Так, зооморфизмы *кобель* — «груб. прост. Похотливый мужчина», *козел* — «груб. прост. Бранное по отношению к мужчине», *корова* — «груб. прост. Толстая, неуклюжая, а также глупая женщина», *крокодил* — «груб. прост. Непривлекательная, некрасивая девушка, женщина» (см.: [Квеселевич, 2011, с. 338, 341, 356, 366]) и др. в русском языковом сознании закреплены как оскорбительные, обладающие выраженной негативной коннотацией.

Кроме того, «лингвокультурными маркерами агрессии являются этнофолизмы — “этнические прозвища”, которые нередко объективируют отрицательные гетеростереотипные представления носителей русского языка» (цит. по: [Лаптева, Фирсова, 2023, с. 428]). Например, этнофолизмы *китаец* — «прост. пренебр. Китаец», *чурек* — «прост. пренебр. Прозвище кавказца», *чурка* — «прост. пренебр. Прозвище кавказцев и жителей Средней Азии» (см.: [Квеселевич, 2011, с. 332, 975, 976]), свойственны только русской лингвокультуре, что позволяет говорить о национально-культурной обусловленности вербальной агрессии.

5. Антиаксиологичность

Антиаксиологичность вербальной агрессии связана с отклонением от нормы. С одной стороны, в большинстве агрессивных речевых актов присутствуют нелитературные элементы — вульгаризмы, просторечия, табу и пр., нарушающие речевую норму. С другой стороны, вербальная агрессия противоречит нормам коммуникации, так как происходит отклонение от параметров

чистоты, выразительности и правильности речи. Например, некоторые грубо-просторечные глаголы с общим значением 'физическое воздействие на субъект (избиение)' *отволохать, отколбасить, отфигачить, отчесать, пиндюрить, вздрючить, вмочить, всобачить* обозначают социально неприемлемое действие, их употребление не соответствует нормам литературного языка. Отрицательная оценка, лежащая в основе большинства нелитературных элементов, противопоставлена аксиологичности, что предопределяет антиаксиологичность как один из параметров лингвокогнитивной категории агрессии.

Кроме того, агрессия — нанесение вреда — всегда направлена против человека, который с антропоцентрических позиций признается высшей ценностью. Любой акт вербальной агрессии как форма речевого поведения искажает закрепленную в сознании адресата картину мира с совокупностью знаний о ценностной значимости объектов и явлений внешней действительности. Отрицательные изменения в эмоциональной, когнитивной и прочих сферах посредством вербальной агрессии указывают на антиаксиологичность данного феномена.

Заключение

С лингвокогнитивных позиций вербальная агрессия представляет собой сложное многоуровневое явление. При этом можно говорить об агрессии как особой лингвокогнитивной категории, определяемой пятью параметрами:

- целенаправленностью, которая заключается в нанесении вреда объекту (конкретному лицу, массовому адресату, самому адресанту);
- аффективностью, то есть сопровождением агрессии негативным эмоциональным состоянием субъекта, не способного контролировать / слабо контролирующего свое психическое состояние;
- персуазивностью, заключающейся в негативном воздействии и возможности оказывать прямое влияние на адресата, манипулируя его когнитивными и ценностными установками;
- национально-культурной обусловленностью, заключающейся в зависимости восприятия агрессивного от особенностей русского языкового менталитета;
- антиаксиологичностью, при которой закрепленная в сознании адресата картина мира с совокупностью знаний о ценностной значимости объектов и явлений внешней действительности искажается или попадает под негативное влияние за счет средств вербальной агрессии.

Совокупность перечисленных выше параметров является основанием для квалификации отдельной «лингвокогнитивной ячейки» в сознании человека как агрессии, способной выражаться с помощью разнообразных языковых средств.

Список источников

1. Алымова Е. Н. Цвет как лингвокогнитивная категория в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — СПб., 2007. — 19 с.
2. Аракелова А. Р. Ценность как лингвокогнитивная категория // Архивариус. — 2016. — № 6 (10). — С. 47–52.
3. Болдырев Н. Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку : сб. науч. тр. — М. ; Воронеж : Ин-т языкозн. РАН : Воронеж. гос. ун-т, 2002. — С. 103–114.
4. Борискина О. О., Кретов А. А. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. — Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2003. — 211 с.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. ; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. — М. : Рус. словари, 1996. — 411 с.
6. Воронцова Т. А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. — Ижевск : Удмурт. ун-т, 2006. — 250 с.
7. Воронцова Т. А. Коммуникативное пространство в лингвопрагматической парадигме // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». — 2009. — Вып. 1. — С. 11–17.
8. Дзюба Е. В. Особенности лингвокогнитивной категоризации артефактов в русском языковом сознании // Филология и человек. — 2016. — № 1. — С. 119–125.
9. Дзюба Е. В. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-т., 2018. — 280 с.

10. Дзюба Е. В., Чжао Л. Этноспецифические особенности лингвокогнитивной категоризации в русском и китайском языковом сознании // Педагогическое образование в России. — 2015. — № 11. — С. 185–194.
11. Закоян Л. М. Выражение агрессии в современном русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. — М., 2010. — 23 с.
12. Карпенко Л. А. Психология : слов. — М. : Изд-во полит. лит., 1990. — 494 с.
13. Квеселевич Д. И. Самый полный словарь ненормативной лексики. — М. : Астрель : АСТ, 2011. — 1021 с.
14. Комалова Л. Р. Параметры типологизации агрессии, вербализованной в письменном тексте / дискурсе // Этнопсихоллингвистика. — 2022. — № 3 (10). — С. 7–25.
15. Коновалова М. В. К вопросу о когнитивной категории в медиадискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. — 2019. — № 4 (426). — С. 100–107.
16. Копылова Т. Р. Молчание как лингвокогнитивная категория : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. — Ижевск, 2022. — 36 с.
17. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 6–17.
18. Купина Н. А., Михайлова О. А. Лингвистические проблемы толерантности // Толерантность в современной цивилизации. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. — С. 50–69.
19. Лаптева М. Л., Фирсова М. А. Лингвокультурные основы вербальной агрессии в русском языке // Русистика. — 2023. — №4. — С. 424–439.
20. Лыкина Е. А. Идеологема как лингвокогнитивная категория: к проблеме определения понятия // Язык и культура. — 2014. — № 10. — С. 201–207.
21. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. — М. : Языки славян. культуры, 2004. — 792 с.
22. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд., стер. — М. : Рус. яз., 1985–1988. — Т. 1. — 1985. — 702 с. ; Т. 3. — 1987. — 749 с.
23. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). — URL : <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.08.2024).
24. Панченко Н. Н. Когнитивные категории «истинность» и «достоверность»: общее и различное // Знание. Понимание. Умение. — 2009. — № 1. — С. 132–136.
25. Песина С. А., Величко М. А. Процессы категоризации и организация когнитивных категорий // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. — 2014. — № 12. — С. 131–135.
26. Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. — М., 2011. — 155 с.
27. Сковородников А. П. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения / отв. ред. А. П. Сковородников. — Красноярск ; Ачинск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1997. — Вып. 2. — С. 10–15.
28. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. — М. : ЯСК, 2018. — 391 с.
29. Хроменков П. Н. Лингвопрагматика конфликта (исследование методом количественного контент-анализа) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. — М., 2016. — 374 с.
30. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006. — 136 с.
31. Шарифуллин Б. Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблема инвективы // Юрислингвистика. — 2004. — № 5. — С. 120–131.
32. Шаронов И. А. Многоликая агрессия // Агрессия в языке и речи. — М. : РГГУ, 2004. — С. 5–6.
33. Щукина Д. А. Пространство как лингвокогнитивная категория: на материале произведений М. А. Булгакова разных жанров : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. — СПб., 2004. — 36 с.
34. Buss A. H. The psychology of aggression. — NY : Willey, 1961. — 307 p.
35. Hultgren S. I Hate Verbal Aggression! — URL : http://www.taxi1010.com/resource/I_Hate_Verbal_Aggression.htm (дата обращения: 09.11.2024).

References

1. Alymova E. N. *Tsvet kak lingvokognitivnaya kategoriya v russkoy yazykovoy kartine mira* [Color as a linguocognitive category in the Russian linguistic picture of the world]. Abstract of dis. ... of candidate of philology: 10.02.01. St. Petersburg, 2007, 19 p. (In Russian).
2. Arakelova A. R. Value as a linguocognitive category. *Archivarius*. 2016, iss. 6 (10), pp. 47–52. (In Russian).

3. Boldyrev N. N. Structure and principles of formation of evaluative categories. *S lyubovyu k yazyku: sb. nauch. tr.* [With love for language: coll. of research papers]. Moscow, Voronezh, RAS Institute of Linguistics Publ., Voronezh State Univ. Publ., 2002, pp. 103–114. (In Russian).
4. Boriskina O. O., Kretov A. A. *Teoriya yazykovoy kategorizatsii: natsionalnoye yazykovoye soznaniye skvoz prizmu kriptoklassa* [Theory of language categorization: national linguistic consciousness through the prism of cryptoclass]. Voronezh, Voronezh State Univ. Publ., 2003, 211 p. (In Russian).
5. Vezhbitskaya A. *Yazyk. Kultura. Poznaniye* [Language. Culture. Cognition]. Transl. from Engl., ed. and comp. by M. A. Krongauz. Moscow, Russkiye Sloviki Publ., 1996, 411 p. (In Russian).
6. Vorontsova T. A. *Rechevaya agressiya: vtorzheniye v kommunikativnoye prostranstvo* [Speech aggression: invasion of communicative space]. Izhevsk, Udmurt Univ. Publ., 2006, 250 p. (In Russian).
7. Vorontsova T. A. Communicative space in the linguopragmatic paradigm. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. "Istoriya i filologiya"* [Bulletin of Udmurt University. Ser. "History and Philology"]. 2009, iss. 1, pp. 11–17. (In Russian).
8. Dzyuba E. V. Features of linguocognitive categorization of artifacts in the Russian linguistic consciousness. *Filologiya i chelovek* [Philology and Man]. 2016, iss. 1, pp. 119–125. (In Russian).
9. Dzyuba E. V. *Kognitivnaya lingvistika: ucheb. posobiye* [Cognitive linguistics: a study guide]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical Univ. Publ., 2018, 280 p. (In Russian).
10. Dzyuba E. V., Zhao L. Ethnospecific features of linguocognitive categorization in Russian and Chinese linguistic consciousness. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii* [Pedagogical education in Russia]. 2015, iss. 11, pp. 185–194. (In Russian).
11. Zakoyan L. M. *Vyrazheniye agressii v sovremennom russkom i angliyskom yazykakh* [Expression of aggression in modern Russian and English languages]. Abstract of dis. ... of candidate of philology: 10.02.20. Moscow, 2010, 23 p. (In Russian).
12. Karpenko L. A. *Psikhologiya: slov.* [Psychology: dictionary]. Moscow, Political literature Publ., 1990, 494 p. (In Russian).
13. Kveseleovich D. I. *Samyy polnyy slovar nenormativnoy leksiki* [The most complete dictionary of obscene language]. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2011, 1021 p. (In Russian).
14. Komalova L. R. Parameters of typology of aggression verbalized in written text / discourse. *Etnopsikholingvistika* [Ethnopsycholinguistics]. 2022, iss. 3 (10), pp. 7–25. (In Russian).
15. Konovalova M. V. On the issue of cognitive category in media discourse. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2019, iss. 4 (426), pp. 100–107. (In Russian).
16. Kopylova T. R. *Molchaniye kak lingvokognitivnaya kategoriya* [Silence as a linguocognitive category]. Abstract of dis. ... of doctor of philology: 10.02.19. Izhevsk, 2022, 36 p. (In Russian).
17. Kubryakova E. S. On the attitudes of cognitive science and current problems of cognitive linguistics. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics]. 2004, iss. 1, pp. 6–17. (In Russian).
18. Kupina N. A., Mikhailova O. A. Linguistic problems of tolerance. *Tolerantnost v sovremennoy tsivilizatsii* [Tolerance in modern civilization]. Yekaterinburg, Ural Univ. Publ., 2001, pp. 50–69. (In Russian).
19. Lapteva M. L., Firsova M. A. Lingvocultural foundations of verbal aggression in the Russian language. *Rusistika* [Russistics]. 2023, iss. 4, pp. 424–439. (In Russian).
20. Lykina E. A. Ideologeme as a linguocognitive category: on defining the concept. *Yazyk i kultura* [Language and Culture]. 2014, iss. 10, pp. 201–207. (In Russian).
21. Lakoff G. *Zhenshchiny, ogon i opasnyye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire, and Dangerous Things: What the Categories of Language Tell Us about Thinking]. Transl. from Engl. by I. B. Shatunovsky. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004, 792 p. (In Russian).
22. *Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols.]. Edi. by A. P. Yevgenyeva. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1985–1988, vol. 1, 1985, 702 p.; vol. 3, 1987, 749 p. (In Russian).
23. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka (NKRYa)* [National Corpus of the Russian Language (NCRY)]. Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 10.08.2024). (In Russian).
24. Panchenko N. N. Cognitive categories of “truth” and “reliability”: the common and the differences. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2009, iss. 1, pp. 132–136. (In Russian).
25. Pesina S. A., Velichko M. A. Processes of categorization and organization of cognitive categories. *Fundamentalnyye i prikladnyye issledovaniya: problemy i rezultaty* [Fundamental and applied research: problems and results]. 2014, vol. 12, pp. 131–135. (In Russian).
26. Petrova N. E., Ratsiburskaya L. V. *Yazyk sovremennykh SMI: sredstva rechevoy agressii* [Language of modern media: means of speech aggression]. Moscow, 2011, 155 p. (In Russian).
27. Skovorodnikov A. P. Linguistic violence in modern Russian press. *Teoreticheskiye i prikladnyye aspekty rechevogo obshcheniya* [Theoretical and applied aspects of speech communication]. Ed. A. P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk, Achinsk, Krasnoyarsk Univ. Publ., 1997, iss. 2, pp. 10–15. (In Russian).

28. Skrebtsova T. G. *Kognitivnaya lingvistika: klassicheskiye teorii, novyye podkhody* [Cognitive linguistics: classical theories, new approaches]. Moscow, YASK Publ., 2018, 391 p. (In Russian).
29. Khromenkov P. N. *Lingvopragmatika konflikta (issledovaniye metodom kolichestvennogo kontent-analiza)* [Linguopragmatics of conflict (research using quantitative content analysis)]. Dis. ... of doctor of philology: 10.02.19. Moscow, 2016, 374 p. (In Russian).
30. Chernyavskaya V. E. *Diskurs vlasti i vlast diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya: ucheb. posobiye* [Discourse of power and the power of discourse: problems of speech influence: study guide]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2006, 136 p. (In Russian).
31. Sharifullin B. Ya. Language aggression and language violence in the light of legal linguistics: the problem of invective. *Yurislingvistika* [Legal linguistics]. 2004, iss. 5, pp. 120–131. (In Russian).
32. Sharonov I. A. Many-sided aggression. *Agressiya v yazyke i rechi* [Aggression in language and speech]. Moscow, RSUH Publ., 2004, pp. 5–6. (In Russian).
33. Shchukina D. A. *Prostranstvo kak lingvokognitivnaya kategoriya: na materiale proizvedeniy M. A. Bulgakova raznykh zhanrov* [Space as a linguocognitive category: based on the works of M. A. Bulgakov of different genres]. Abstract of dis. ... of doctor of philology: 10.02.01. St. Petersburg, 2004, 36 p. (In Russian).
34. Buss A. H. *The psychology of aggression*. NY, Willey, 1961, 307 p.
35. Hultgren S. *I Hate Verbal Aggression!* Available at: http://www.taxi1010.com/resource/I_Hate_Verbal_Aggression.htm (accessed: 09.11.2024).

Информация об авторе

Фирсова Мария Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева.

Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, медиалингвистика, межкультурная коммуникация, дискурсология.

Information about the author

Firsova Maria Anatolyevna — candidate of philological sciences, associate professor of the Russian Language Department of the Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev.

Research interests: cognitive linguistics, media linguistics, intercultural communication, discourse studies.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024; принята к публикации 10.10.2024.

The article was submitted 10.09.2024; accepted for publication 10.10.2024.